

С.С.С.Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Сибирские Огни

Художественно-литературный
и научно - публицистический
===== журнал =====

34217.
0
ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В ДВА МЕСЯЦА

№ 4-5
Август—Октябрь
1925

Четвертый год издания

СИБИРСКОЕ
КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НОВОНИКОЛАЕВСК

Золотой клюв.

(Окончание).

Анна Караваева.

5. Дело о девках.

В Орехове баб зовут по мужьям: Мареиха, Сергеиха, Петреиха... Ореховские мужики, как и многие другие, бывают такие года—дома случаются, как желанные гости. Верно, потому на бабье вдовье при живом муже житье ложится прозвище мужа, как на главу семейства.

Мареиха просыпалась всегда раным-рано. Спешно ополаскивала сморщенное лицо из глиняной носатки, что висела возле крыльца, торопно крестила давно высохшую на мужичьей работе грудь и шла на сеновал будить девок.

Торкнулась жилистым локтем в скрипучую дверь и крикнула:

— Ну-ка-ась! Девки! Продирай буркалы те...

За дверью не отзывались. Спали, видно, девки крепко. Мареиха осердясь забила кулаками в дверь:

— Вот суки, прости восподи! Вста-ва-ать, чертяхи!

Сонный Ксюткин голос протянул сквозь зевок:

— Н-ну-у... Не реви-и... А... а... а...

— Вставай, ленивушша! Я пойду корове пойла дам. А ты пойди квашню помесь.

Ксюта вяло подняла с пахучего сена свое отяжелевшее тело. Крепко спала без снов, и просыпаться было все труднее—так бы вот лежала долго, закинув руки, на мягком сене, и смотрела бы на голубой клок неба в оконце на крыше. Но мать неугомонная, придет и стащит еще с лесенки.

— Ой, ой!—торопно шепнула Ксюта, разглаживая расплзшиеся вширь бока. С сожалеющим вздохом оглядела себя: живот стал тугой, как кочан осенний, выпятился вперед, вздуло груди, а вчера в ручье солнечном видела Ксюта отражение своего лица с отеками щеками и поблекшим румянцем. Глядя на свой высокий живот, прошептала раздумчиво:

— Видно, парня рожу.

Совестилась только матери и потому с утра туго-на-туго обертывала вокруг себя тонкий холст, морщась от боли и жалобно кряхтя. Неохота тож и перед Иваном показать себя неуклюжей, как корова. Самая же страшная мысль: вдруг поп приедет скоро! Ездят больше попы из Бийска волосатые

брюхастые, жадные до сборов. И страшнее всего—«за грех» заставят деньги платить. А откуда их возьмешь деньги-то? Только-бы поп дольше не приехал.

Ксюта встряхнула толстой, свалывшейся косой, отгоняя тревожные мысли. Затянулась полотенцем морщась, охая и жалея кого то в себе, родного, Иванушкиного. Тихонько начала спускаться с лесенки.

Мареиха-же вышла на плетень за поскотину, где две кругловоких большемордых коровы согласно замычали ей навстречу.

— Ну, ну, ксынюшки-и!

Мареиха поставила подойник и хотела было взяться за розовые набухшие коровьи соски, как вдруг яркое пятно на пригорке у леса заставило старушечьи глаза всмотреться зорко. Ясное дело, это бежала по тропке младшая дочка Феня. Старуха мигом узнала ее ярко-синюю паневу с красными полосами на подоле.

Мареиха пожевала губами, нахмурила повылезшие брови и сердито дернула вымя.

— Пог-годи ты, паскудница, я те зада-ам!.. Ишь... в новехоньку празднишну паневу вздумала оболукнуться... на-кэся!

Девоч своих Мареиха никогда не стесняла. К вечеру, как только поползут тени от крыш по дороге, девки кончали работу по дому и шли вместе с другими на берег Бии, где на высоком нагорьи шумит кедровыми верхушками густой пахучий бор.

Мареиху не то рассердило, что Феня домой идет на утре, а обидела новая панева—дочь не должна была трепать по лесу плоды долгой любовной старухиной работы на тряских «краснах» в углу низкой избы.

Феня шла домой задами. Уже слышны были ее шаги между кустами и хруст веток под тяжелым, плотным подолом синей полушерстины.

Еле успела Феня перелезть через плетень, как старуха сгребла у ней с головы платок.

— Что... пакосница-а... богата стала? Кто по лесам празднишну лопотину таскает? Кто-о? А гля ча бусо одела?

У Мареихи бешено заколотилось сердце от обиды, дала дочери такого подзатыльника, что отлетела Федосья в сторону, боязливо охорашивая от коровьего пойла яркую украсу подола.

Опомнясь, сверкнула свирепо темнокарими глазами, поправила драгоценность заветную, мелкие стеклянные буски, и крикнула звеняще, наполовину со слезами.

— А колда и то праздник-от считать. Пока молода, да ядрена—вот и праздничай... До твоего доживешь, дык ниче не надобно... Чать, я с бережью ношу... Работаешь, словно кобыла, да ишо гульнуть нельзя... Тятя дык жалобей тебя, чуёт, как у младости сердце горит... А ты... словно кочерыга, али пень-колода!

Дернула плечами, руки в бока и пошла спешно и сердито ко крыльцу.

Мареиха махнула рукой: востроязыка девка, не рад, что свяжешься... Да ведь и то у девоч слободских, как придут настоящие года, так и горе: и выдал-бы замуж, а работа как? В свекрову семью прибыль, а от своей убыль горькая.

Мареиха полезла руками под брюхо второй коровы. Привычно тянули пальцы тугое вымя. Певуче цыркало молоко в подойник.